

Ольга Ярошинская

КАК ПРИГОТОВИТЬ ДРАКОНА

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Я77

Ярошинская О.

Я77 Как приготовить дракона / О. Ярошинская — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 300 с.

ISBN 978-5-521-92953-5

В нашу деревню едет дракон! Не по своей воле, конечно, а в ссылку, и всего на месяц. Но все жители Лоханок надеются использовать это время с пользой. Городничий хочет выдать за дракона дочь, наш местный певец — найти в его лице спонсора для взлета карьеры, а я... А мне позарез надо, чтобы дракон остался в Лоханках навсегда.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92953-5

© Ольга Ярошинская, текст, 2022
© Елена Труфанова, обложка, 2022
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ГЛАВА 1

ЕДЕТ!

— Сегодня ты превзошла саму себя, — похвалил рен Фейрех, подбирая остатки подливы куском хлеба.

Отправив его себе в рот, прожевал, жмурясь от удовольствия.

— Эх, были бы ваши Лоханки поближе к столице, — продолжал он сыпать соль на рану. — А так и останешься тут прозябать. Последний раз предлагаю — полный пансион, десять монет в месяц, неделя отпуска...

— Не могу я Лоханки бросить, — буркнула я, забирая пустую тарелку. — Рен Фейрех, если бы вы дали моей таверне звезду...

— Вот и я не могу, — с удовольствием отказал он. — По-хорошему, я бы тебе сразу три влепил. Такого вкусного жаркого даже в моем Павлине не подают.

— Именно, — рассердилась я, чувствуя, как щеки загорелись от прилившей крови. Я терпеть не могла умолять, но от этого мужичка с круглыми щечками зависело мое будущее. — Хромой Единорог — отличное заведение. Если бы вы дали

хотя бы одну звезду — я не прошу три — внесли бы в реестр, в Лоханки потянулись гости...

— Условия, — назидательно поднял указательный палец рен Фейрех. — В золотой реестр едален заносятся лучшие таверны исконных городов, то бишь тех, где живет хоть один носитель древней крови. Это не с неба взятое правило. В реестр попадают заведения, в которых, теоретически, мог бы отобедать Владыка. Каждый год он ездит по стране с визитами к исконным вассалам. В ваших Лоханках есть такой?

Он смотрел на меня блестящими глазками, ожидая ответа, но я молчала.

— Может, ваш городничий, который выглядит так, будто его побили пыльным мешком, на самом деле ворожит? А может, вон та компания лесорубов, — он кивнул на столик в углу, за которым, сосредоточенно перемалывая челюстями мясо, ели четверо мужиков, — никакие не лесорубы, а, допустим, вервольфы? Или ты, милая Кэйтлин Тут, скажем, дракон?

Он мелко засмеялся, так что его рыжая бороденка, испачканная подливой, затряслась, и я нехотя ответила:

— Нет.

— Вот и я говорю, — важно кивнул рен Фейрех. — Нет, милая Кэти. Я не могу дать звезду твоему Единорогу, но снова предлагаю работу. Бросай эти Лоханки! Что ты вцепилась в них, как клещ в пёсье ухо? Тут даже женихов подходящих нет. А годы идут, женский расцвет короток, — его маслянистые глазки пробежались по моей фигуре. — Эх, был бы я холостой...

Я оперлась локтями на стойку, устроив подбородок на сплетенные в замок пальцы, и отвернулась ко входу, где слышались приближающиеся голоса. Кто бы это мог быть? Обеденное время заканчивается, и все, кто хотел, перекусили в славной таверне «Хромой единорог».

— Здесь мой дом, работа, — задумчиво сказала я. — Лоханки — чудесное место.

— Болото, — припечатал рен Феірех. — Никакого движения. Застой, гниль и скука. Послушай меня, милая Кэти, я желаю тебе только добра...

— Едет! — выкрикнул городничий, вламываясь в таверну, так что тяжелая деревянная дверь с грохотом впечаталась в стену.

— Кто едет? — спросила я, выпрямляясь и чувствуя, как сердце заколотилось быстрее.

— Ссылный, — выдохнул городничий, подходя к стойке, и я налила ему полную чашку клюквенного морса и придвинула тарелку крендельков. — Гарольд Шпифонтейн собственной персоной! Вы только подумайте! Полсотни лет ни одного ссыльного, даже самого завалящего, а ведь каждый раз это способствовало безудержному росту города, промышленности, культуры...

— Ссылный? — переспросила я, а мое сердце забилося еще сильнее, точно колокол, которым в Лоханках созывали на службу.

— Рост города? — недоверчиво уточнил рен Феірех.

— Эти ссыльные аристократы все малость того, — pokrutil пальцем у виска городничий. — Одному, лет триста назад, вздумалось устроить в Лоханках соревнование по гребле. Как итог — лесопилка, лодочная мастерская, мелиоративные работы. Другой, последний наш, был любитель театра. И что вы думаете?

— Что?

— Актеры к нам ехать не хотели, так он решил их на месте вырастить. Школу построил. Так что все дети в Лоханках умеют читать и уровень образования у нас ого-го.

Он сжал кулак и потряс им в воздухе перед носом рена Феіреха, а я машинально кивнула, подтверждая слова го-

родничего. Школа в Лоханках была, и неплохая. А уж библиотека... Триста двадцать восемь книг!

— Какое счастье, — выдохнул городничий. — Хоть бы этот Гарольд Шпифонтейн тоже оказался с причудами. Хорошо бы ткацкую фабрику открыть, или, к примеру, организовать охотничий турнир. Тогда бы к нам приехали его друзья, я бы наконец пристроил Мэриан замуж, а ты, Кэти, гребла бы золото лопатой! Ведь все они останавливались бы у тебя. Собственно, я за этим и пришел, — он махом выпил весь морс и, пригладив усы, сгреб горсть крендельков и сунул в карман. — Приютишь его?

— Ссылного? — возмутилась я. — Преступника? А вдруг он перережет мне горло во сне, или еще чего похуже!

— Стал бы я селить к тебе убийцу, как считаешь? — рассердился городничий. — Я ж тебя люблю как родную дочь!

Я посмотрела на него с иронией, и он исправился:

— Ладно, Мэриан я люблю несравненно больше, но ты мне тоже дорога. Никто так не готовит пироги с перепелами, и если тебе однажды перережут горло во сне, или еще чего похуже, то я буду очень горевать.

— Верю, — буркнула я.

— Он какую-то дуэль затеял, — пояснил городничий. — И даже не убил того, второго, а только ранил, но Владыка рассердился и сослал его к нам. Не преступник, а одно название.

Я задумчиво протерла стойку, хотя та и так блестела. Конечно, можно взять постояльца. Наверху есть комнаты, которые обычно пустуют, потому что сюда, в Лоханки, ездить особо не зачем.

— Куда еще мне его селить? — продолжил наседать городничий.

— К себе, — предложила я. — Поближе к Мэриан. Вдруг и правда женится.

— Неприлично, — сурово отрезал он, а мы с реном Фейрехом многозначительно переглянулись.

Мэриан не обременяли строгие моральные принципы, и во всех Лоханках только ее папаша об этом не знал.

— И надолго к нам этот рен Гарольд как-его-там? — поинтересовалась я и, забрав пустую чашку у городничего, ополоснула ее под краном.

— Гарольд Шпифонтейн, — исправил городничий. — И не рен, а герен. На месяц всего.

Чашка выскользнула из моих рук и чудом не разбилась, грохнувшись в раковину.

— Он из исконных? — уточнила я, еще не веря своему счастью, а рен Фейрех насупился.

— А то! — подтвердил городничий с такой гордостью, будто это в нем текла древняя кровь. — Знаешь, кто он? Лучше сядь, или крепче держись за стойку. Готова?

— Не томите, — попросила я.

— Дракон, — с придыханием произнес он, выпучив глаза.

Расплывшись в улыбке, я перевела взгляд на рена Фейреха.

— Исконный вассал Владыки, — медленно сказала я. — В Лоханках. Теперь я могу получить звезду. Три звезды!

— Не спеши так, — проворчал рен Фейрех и повернулся к городничему. — На сколько его к вам, говоришь, сослали? На месяц? Золотой реестр едаен обновляется через два. К этому моменту твой дракон уже улетит назад в столицу, милая Кэти. Увы и ах.

Он сгреб оставшиеся крендельки и, закинув парочку в рот, пошел к выходу.

— А если он останется здесь? — выкрикнула я ему в спину.

— В Лоханках? — фыркнул рен Фейрех, обернувшись у двери. — Тогда он точно с прибабахом.

Дверь за ним захлопнулась, а я повернулась к городничему.

— Всего месяц, — вздохнул тот. — Не мог натворить чего посерьезнее? Или уж прикончить того несчастного, да простят меня боги. Вряд ли фабрику успеем. А охоту можно, как думаешь?

— Можно, — кивнула я, думая о другом.

Бросив салфетку, я обогнула стойку и, выйдя из таверны и запрокинув голову, уставилась на вывеску. Я самолично освежила краску с месяц назад, и единорог, вставший на дыбы, был белым, как облачко. Звезду можно прикрепить под копытами. Или лучше под хвост? Не так поймут... В гриву? Уперев руки в бока, я придирчиво рассматривала единорога. Да, в гриву вроде неплохо.

Пусть герена Гарольда Шпифонтейна сослали всего на месяц, но можно попытаться сделать так, чтобы он полюбил Лоханки всей душой. И тогда после окончания ссылки он останется здесь навсегда.

* * *

Карета тряслась по проселочной дороге, и Гарри проклинал каждую кочку. Сиденья были жесткие, экипаж — ноги не вытянешь, вдобавок через маленькое окошко впереди несло перегаром кучера.

Хотелось вырваться из этой трясущейся клетушки, расправить крылья и взлететь в хмурое серое небо, похожее на рыхлую комковатую кашу, вспороть мокрые облака, устремившись в лазурную высь. Гарри повел плечами, унимая привычный зуд в лопатках, и уставился вдаль.

Глупо получилось. Петер, конечно, зарвался, подшучивая над ним на том пиру. Но, по-хорошему, Гарри должен был посмеяться вместе со всеми. Нет же, выиграла семейная гордость или, скорее, спесь, и он потребовал удовлетворе-

ния, сделав только хуже. Теперь всем ясно, что в каждой шутке есть доля правды, и слова Петера стали повторять на каждом углу. К счастью, Гарри к дуэли уже поостыл и поэтому не стал убивать нахала, лишь слегка задев плечо. И вот Петер будет хвастаться перед дамами свежей повязкой, а ему, Гарольду, придется целый месяц томиться в какой-то глуши с дурацким названием, которое вечно вылетало у него из головы.

— Скоро уже эти Корытца? — нетерпеливо спросил он у кучера.

— Лоханки-то? Скоро, вашисконность, — привычно ответил тот, как и час, и два назад. Однако потом добавил: — Вон уж виднеются.

Высунувшись из экипажа, Гарри и правда увидел высокую колокольню храма, а под ней — россыпь приземистых крыш, укрытых потемневшей соломой. Всего месяц — утешил он себя. Пролетит — не заметишь. Потом будет вспоминать об этом, как о приятном отдыхе. Свежий воздух, охота, селяночки...

Экипаж трясся по дороге, приближаясь к месту его ссылки, и уныние, которое Гарри настойчиво гнал от себя, охватывало его все сильнее. Впасть бы в спячку и проснуться через месяц, чтобы не видеть ни этих убогих огородов, ни чумазных детей, ни брехливых собак, что уже целой сворой бежали следом.

— Куда ссыльного доставлять? — гаркнул кучер, завидев девку, что придерживала корыто, оперев его на крутое бедро. — До городничего?

— До Кэти, — ответил женский голос. — Там его уже все ждут.

Гарри вообще не хотелось знать ни кто эти все, ни кто такая неведомая Кэти. Он с раздражением дернул узел шейно-

го банта, борясь с желанием выскочить прочь и побежать назад со всех ног.

— Тппррр, — громко скомандовал кучер, натянув поводья, и экипаж, тряхнувшись в последний раз, остановился.

Гарри сдержал рвотный позыв, с усилием сглотнул горькую слюну и открыл дверь. Ступив наружу, тут же увяз в густой рыжей грязи по самую щиколотку.

Поглазеть на него собралась вся деревня: крепкие мужики смотрели настороженно и угрюмо, женщины, сбившись в кучки, хихикали и шептались, глазастая детвора облепила все заборы как стайка скворцов.

Гарри с усилием поднял ногу, и жирная грязь жадно чавкнула, нехотя отпуская его ботинок, бежево-розовый оттенок которого продавец пафосно называл цветом щечек любимой женщины.

— Вот дерьмо, — вздохнул Гарри, понимая, что замшу уже не отчистить.

— Милости просим в Лоханки, ваша исконность, — торжественно объявил усатый мужик, слегка подтолкнув вперед дородную девку с подносом в руках.

Гарри с тоской окинул взглядом выдающиеся стати блондинки, отщипнул кусок хлеба и закинул в рот.

— Пожалуйста сюда, герен Шпифонтейн, — поклонившись, указал мужичок на распахнутые двери, к которым, надо же, вела ковровая дорожка. Ступив на нее, Гарри оттер грязь с ботинок, и повернулся к кучеру.

— С багажом аккуратно, — строго приказал он и пошел отбывать срок.